

А

Николай ДЕДОВ

ТОСТ ДРУГА

*При всем при том.
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!*

Роберт Бернс

Во время второй мировой войны торговые суда США, Канады, Англии — наших союзников по борьбе с фашистской Германией — доставляли к нам на север, в Мурманск, Архангельск, оборонные грузы. В одном из таких походов, сначала из Америки в Англию через Атлантику, затем из Англии в СССР по Северному Ледовитому океану, мне довелось участвовать на полученном в США по ленд-лизу противолодочном корабле, который в составе военно-морского конвоя союзников охранял караван торговых судов от гитлеровцев.

После прихода в Северную Ирландию, в порт Лондондерри, нашим противолодочным военным кораблям пришлось подняться еще дальше на север, где мы по Каледонскому каналу пересекли Шотландию с запада на восток. Канал, состоящий из 29 шлюзов, интересен был уже тем, что построен он был еще в начале прошлого века, при жизни Джорда Байрона и Вальтера Скотта.

Но мы к тому времени в своих дальних зарубежных плаваниях видели уже столько всякой всячины, что нас трудно было чем-либо удивить. Да и запоминалось в этой кровопролитной войне чаще совсем другое, больше связанное с реалиями того времени. Например, об одной из встреч с британскими моряками на их судне, о которой я и хотел бы рассказать.

Перейдя Шотландию по каналу с запада на восток, мы спустились вдоль ее побережья южнее. Остановились в порту Эдгарт, около Эдинбурга. И стали ожидать формирования каравана судов, с включением в него кораблей Британии, для дальнейшего следования.

В выходной день, получив увольнение, я сошел на берег. Но мне не повезло с первых шагов. Налетевший внезапно порыв ветра сорвал с меня бескозырку. Подхваченная потоком воздуха, она, как птица, взметнулась вверх, трепеща черными лентами с золотыми якорями на них. Потом покатилась по причалу. Я бросался за ней. Но она уже плавала в бухте.

Было досадно за свою оплошность. Ведь бескозырка не просто головной

убор, а гордость моряка. Ее не сравнишь с какой-то там шляпой или кепкой... Надо достать, пока ее не унесло, пока она сильно не намокла и не утонула. Но как это сделать? Наши корабли находились по другую сторону пирса. Здесь же были только британские.

Просить шлюпку у англичан вроде бы неудобно...

Но они сами пришли на помощь. Со стоявшей рядом самоходной десантной баржи я услышал оклик:

— Эй, рашен!

Там спускали на воду маленькую шлюпку-тузик и звали меня к себе. Минуты через две я уже сидел в этой шлюпке с молодым парнем, у которого из-под лихо сдвинутой на затылок зюйдвестки торчали непокорные рыжие вихры.

— Ол райт!?! — кричал он мне по-английски, весело скаля зубы.

— Все хорошо, все в порядке! — отвечал я ему по-русски.

Дальше от причала стали пениться белые барашки волн. Ветер бросал в лицо холодные соленые брызги. Наш тузик мог легко перевернуться. Но мы не думали об этом. От горячего дружеского участия и осенняя вода в бухте казалась теплее, и погода вроде бы прояснялась. Хотя небо Шотландии, как обычно в это время года, было затянуто низкой свинцовой пеленой туч.

Бескозырку несло в сторону от пирса. Мы спешили за ней. Погоня эта пьянила, подзадоривала нас. Но вдруг путь наш перерезал торпедный катер. Мой спутник с досады выругался по-английски, я по-русски. Ничего не поделаешь, пришлось отходить в сторону и маневрированием спастись от поднятых катером валов.

Потом мы продолжили погоню за бескозыркой. Однако, несмотря на все старания, не могли ее найти. Ее случайно подобрали матросы с английского тральщика и после передали на наш корабль. Но это было на другой день. А пока что, раздосадованные, мы возвращались назад с пустыми руками, решив, что бескозырка утонула. Огорчались мы не столько из-за бескозырки, сколько друг за друга: он — потому что очень хотел мне помочь, но не смог; я — потому что его горячее участие по отношению ко мне кончилось столь безрезультатно.

С десантной баржи меня сразу не отпустили. Попросили спуститься вниз, в кубрик. А там, не успел я оглянуться, как из матросских рундуков была извлечены ром, кока-кола, консервы, галеты. Ко мне с угощением потянулось сразу несколько рук. Я пытался отказаться, но не тут-то было. Мне предложили выпить за дружбу русских и английских моряков, за победу над Гитлером. Это для всех нас было самым желанным. И за это нельзя было не выпить. Тем более, что корабль мой находился рядом, через пирс, а впереди у меня было полдня свободного времени.

Хозяева мои почти ни слова не знали по-русски. Я же говорил по-английски с грехом пополам, с таким ужасным произношением, от которого лорда-хранителя печати, наверное, покорило бы. Ну а мы, матросы, при всем

этом чувствовали себя неплохо, понимали друг друга и были довольны встрече.

Я назвал свое имя и возраст. Оказалось, что с рыжеволосым парнем, с которым плавали за бескозыркой, мы ровесники, и даже тезки. Он, как и я, скоро должен был в восемнадцатый раз отмечать свой день рождения. Звали его Ник, что соответствовало русскому имени Коля.

— Для нас ты тоже будешь Ник, ладно? — предложил мне тезка.

— Хорошо! — согласился я.

Ник кратко, насколько позволяли мои познания английского языка понять его, рассказал о себе, дополняя слова выразительной мимикой и жестами. Он — сын докера. Вырос на Темзе. Но мать его родом из Шотландии. От нее он и унаследовал рыжие волосы. Семья у них была большая, нуждалась. Поэтому, когда Ник немного подрос, его устроили юнгой на речной пароход. Ну а теперь он служит в военном флоте, куда, как и я, в связи с войной пришел раньше совершеннолетия.

Кроме нас с Ником, в кубрике было еще трое матросов. Мне больше всех запомнился старший из них. Ему было лет тридцать. Высокий, худой, с большими темными руками, он производил впечатление не военного-моряка, а рабочего, недавно пришедшего с берега на корабль. Так оно и оказалось. Майкл — так его звали — был шахтером, жил в Уэльсе, где у него осталась семья: жена и дети. И он сильно скучал о них.

Майкл не отличался многословием. Больше говорили мы с Ником, самые молодые из присутствующих в кубрике, поэтому самые непосредственные. Тезка рассказал, как их самоходка недавно, летом 1944 года, участвовала в высадке десанта союзных войск в Нормандии, где и какие вмятины на ее бортах остались после этого.

— Теперь открылся фторой фронт — и Гитлеру будет капут! — говорил Ник, от избытка чувств хлопая меня по плечу.

И мы пили за «фторой» фронт, за скорый «капут» Гитлера, передавая по кругу из рук в руки матросские кружки. Но когда я, движимый соображениями союзника, предложил тост за главу английского правительства Черчилля, брови Майкла нахмурились, на переносице у него легла резкая складка. И он, отодвинув в сторону кружку, сказал твердо:

— Ноу!

Я спросил: Почему — нет?

— Мы, английские рабочие, ничего хорошего не видели и не ждем от своего премьера — ответил Майкл. — Ну, а вам и подавно нельзя на него рассчитывать. В войне с фашизмом я больше верю в русского Ивана и предлагаю выпить за его здоровье!

Матросский кубрик не зал заседаний международной конференции, где дипломаты лавируют, хитрят друг перед другом. Тут люди не закручивают словесные спирали, а говорят прямо, говорят то, что думают. Так что поправка Майкла мне показалась очень разумной. И я с большим удовольствием ее